

СПЕЦНАЗ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

АНАТОЛИЙ ГОНЧАР

СПЕЦНАЗ

**Привал
с выдернутой чекой**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Оформление серии *Д. Сазонова*

Гончар, Анатолий.
Г65 Привал с выдернутой чекой / Анатолий
Гончар. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
320 с. — (Спецназ).

ISBN 978-5-699-91319-0

Российский вертолет с подразделением спецназа на борту потерпел крушение в одном из районов Сирии. По счастливой случайности никто из бойцов и членов экипажа не пострадал. Вскоре разведчики благополучно вернулись на базу и сразу же заметили разительные перемены в поведении своих боевых товарищей. Те вдруг перестали употреблять алкоголь, курить и сквернословить, заметно повысился уровень профессиональной подготовки. Узнав истинную причину такой метаморфозы, участники злополучного вылета испытали настоящий шок.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91319-0

© Гончар А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ГЛАВА 1

Вертолет падал. Его крутило и бросало в воздухе, как раскрученную на нитке марионетку.

Ледяной страх, в первую секунду ударивший под дых кулаком тупого ужаса, истаял под горячечным языком беспомощной неизбежности. Провести последние секунды жизни в тисках страха, сжавшего тело в трепещущий комок, слишком стыдно. Тело кинуло в жар. Я посильнее ухватился за скамью, скользнул взглядом по лицам бойцов. Каменные маски с застывшей мимикой. Застывший серый мрамор. Лишь у Чебурекова губы нервно подергиваются и по щекам беспрестанно бегут молчаливые слезы. Открыл рот, чтобы подбодрить, и понял: у меня ничего не получится — горло сжало сухим спазмом. Трепать языком глупо, все всё поняли. Сколько осталось? Две секунды? Три? Чуть больше? Мы так долго валимся вниз. Уж лучше бы скорее! Иначе хватит ли сил выдержать и не сорваться в истерику? А мы все падаем. Наверное, мож-

ПРИВАЛ С ВЫДЕРНУТОЙ ЧЕКОЙ

но оттолкнуться от скамьи и зависнуть в воздухе. Может, есть надежда? Не строй иллюзий! Я не чувствую своего веса, уши закладывает от перепада давления. То, что мы действительно стремительно падаем, перестало быть тайной и для самого последнего идиота. Три тысячи метров — достаточная высота, чтобы набрать приличествующее ускорение. Удар о землю, мгновенная боль — последняя проводница через мембрану грани и... и что потом? Блаженная тишина? Что там, за гранью? Дано ли нам ощутить? Может, я встречу с отцом? Скорей бы! Что-то слишком долго, или это действительно правда — про последние мгновения, которые тянутся до бесконечности?

В круге иллюминатора померк свет, но этого не может быть, сейчас полдень, от страха помутилось зрение? Но внутри борта цвета не изменились. Игры разума. Потерять сознание и очнуться, когда все?! Очнуться... Смешно. Как не хочется верить в ничто. «...Я б хотел навеки так уснуть, чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб дыша вздымалась тихо грудь...» — вроде так писал Михаил Лермонтов? Он тоже мечтал.

Удар слишком мягок, чтобы поверить в столкновение с землей, но достаточно жесткий для человеческого тела, которое пронзает

боль. Кажется, я застонал и вновь на миллионную долю мгновения провалился в небытие. В следующую секунду послышался треск ломающихся деревьев и скрежет раздираемой обшивки. Нас кинуло на правую сторону, чей-то автомат с силой ударил меня в скулу, но боли я почти не почувствовал. Нас снова завертело, вертолет вывалился на поляну и, пару раз крутанувшись в воздухе, коснулся земли и заскользил по наклонной плоскости. Еще удар, стоны, ругань, чей-то отчаянный крик... и наш «МИ-8» замер.

— Земля? — настороженно поинтересовался невесть как оказавшийся подле меня борттехник.

— Это у тебя надо спросить! — буркнул я, едва сумев разжать сведенные челюсти. Сказал, скользнул взглядом по бойцам, машинально пересчитывая, будто кто-то из них мог взять и растаять в воздухе, и облегченно перевел дух: помяты, но вроде бы относительно целы. Вдохнул, выдохнул, потрогал пальцами насквозь пропитанный потом рукав куртки. По спине и вовсе стекали целые потоки.

— Десантируемся, живо! — Первым в себя пришел командир группы, то есть я. — Летчики целы? — спросил, пропуская вперед бойцов. О том, кто каким покидает борт, забыто

ПРИВАЛ С ВЫДЕРНУТОЙ ЧЕКОЙ

начисто. Ну и ладно, кто-то тупит, банально еще не придя в себя; кто-то слегка пришиблен психологически, помят физически и потому запаздывает.

— Что нам сделается?! — донесся добродушный бас то ли командира судна, то ли штурмана (у меня в голове все перепуталось, и к тому же в своей летной форме они на одно лицо).

— Почему сверзились? — невольно вырвалось у меня. — Вроде над своей территорией шли.

— А хрен его знает... — буркнул вертолетчик. — И двигатели работали нормально, и не стрелял вроде по нам никто. Потом бац — и...

— Кончайте болтать! — одернул его борттехник старший прапорщик Загоруйко Кузьма Иванович (так он, во всяком случае, при встрече представился). — Давайте выбираться поживее, топливо подтекает, а то как бы... — Кузьма Иванович не договорил, в салоне явно пахло гарью.

— Живее! — Я потянул застывшего в ступоре Прокофьева за руку, пихнул к выходу, дождался борттехника и скакнул в отверстие сам.

За спиной все еще громыхали лопасти разбившегося вертолета, давно уже остановиться должны были, а нате вам, возвращаются. Мы

стояли на широкой просеке, изрытой колесами тяжелой техники, и пялились в металлическую табличку с замысловатой арабской вязью.

— У всех все цело?

— Нормально все, командир! — за всех ответил мой заместитель старший сержант Илья Болотников (широкоплечий крепыш тридцати пяти лет от роду). — Помяло некоторых немного, синяки есть, но кости целы.

— Синяк, — вспомнив по ассоциации, позвал я усевшегося на траву младшего сержанта Синюшникова — нашего группного радиста, — что со связью?

— Не отвечают.

— А ты, случайно, мля, радиостанцию не разбил?

— Целая она, товарищ старший лейтенант. Работает. Не принимает нас никто.

— Слышь, командир, — обратился ко мне один из вертолетчиков, — фигня какая-то.

— Что случилось? — Я, как говорится, не понял сути обращения.

— Да вот, говорю, фигня получается, — он мне сунул под нос карту (у меня почти точно такая же, только масштаб разный), — не должно быть тут леса.

Ага, это штурман ко мне подошел, понятно.

ПРИВАЛ С ВЫДЕРНУТОЙ ЧЕКОЙ

— Мы вот здесь летели, — продолжал он, — а тут за сто верст леса нет.

А ведь он прав. Я тоже наш маршрут глядел, когда на задачу собирался. Не было там никаких лесов. Быстро вытащил из разгрузки карту — точно нет тут зеленки! Да-а-а, есть от чего почесать лоб.

— Может, карта старая?

Взглянул на дату типографского выпуска — год этот. М-да, и как не заругаться? Опять картографы со старых карт перепечатку сделали, суки. Выпуск этого года, а съемки, надо понимать, тысяча девятьсот... надцатого какого-то. А то и раньше. Как же я задолбался по таким картам на задачи ходить! На карте поле — а там лес, на карте лес — а там стройка.

— Да свежая карта! — возразил штурман. — Съемки только прошлой осенью делали.

— Да и не помню я такого! — К нам подошел командир экипажа, и я вспомнил, что он представился как майор Дружинин. — Пустыня под нами была. Точно помню! Да и когда падали, пока сознание не потерял, песок один до горизонта лежал, барханы точно помню. Куда и как нас забросило — ума не приложу. Но я скажу, блин, повезло! Если бы не эти деревья, — он показал взглядом на срубленные падающим вертолетом верхушки и поломан-

ные громадные ветви, — сейчас бы нас вороны из железа выклевывали.

— Ага, это точно! — Трудно было не согласиться. — А не могло нас в сторону оттащить? — Я показал пальцем на один-единственный посреди этой местности оазис, расположенный километрах в пятидесяти от нашего маршрута.

— Полста километров? — хмыкнул с нехорошим намеком командир вертолетчиков.

— Да сам понимаю, что фигня полная. Но, может, все же отклонились, прибор там или что отказал?

— Но местность-то я все равно отслеживаю! — Штурман, похоже, даже обиделся. — Не могли мы так отклониться!

— Ты лучше свой «ГЛОНАС» посмотри! — посоветовал Дружинин.

И правда, что-то я про него забыл.

— Сейчас гляну. — Полез за навигатором. Достал, включил, жду. Долго он обычно сообщает, а тут сразу координаты выдал и маршрут нарисовал. Верно вертолетчики говорят, не отклонялись они. И упали мы правильно, в смысле, где и должны были — согласно курсу. Но леса то на карте тут нет! Да и черт с ним!

— Мужики, теперь уже без разницы: был лес — нет леса! — Я взглянул на так, сла-

ПРИВАЛ С ВЫДЕРНУТОЙ ЧЕКОЙ

ва богу, и не загоревшийся вертолет. (А он, оказывается, не так уж сильно и помялся.) — Делать-то что будем? Обратного потопаем?

— Ты что, смеешься? — Штурман крутанул палец у виска. — Мы час летели!

— Ну и? — спросил я, хотя и понял, что сморозил глупость. Сценарий поведения напрашивался сам.

— Здесь ждать будем! — как командир корабля принял решение Дружинин. — Территория под Асадом, боевиков нет. Сейчас нас хватятся и прилетят. Уже давно хватились. Курс прямой, сразу найдут. Час-полтора, может, максимум два.

— Тогда будем ждать. — Глупо было не согласиться. Остаться на месте крушения действительно самое верное. — Только на всякий случай в лесок отойдем, мало ли какая зараза поедет, зачем лишний раз на дороге рисоваться?

Я обернулся к своему заместителю:

— Илья, давай всех в лес, круговую оборону и наблюдателей на фланги.

— Все слышали? Семен, Олег — наблюдатели. Остальные за мной! — Болотников подхватил с земли свой десятилитровый рюкзачок (большие рюкзаки мы на это однодневное задание не брали) и зашагал к лесочку.

Группа потянулась следом. Вертолетчики тоже. Я остался стоять один. Мышцы еще чувствовали слабость от пережитого напряжения. Левое веко изредка дергалось нервным тиком. Но душа пела. Я жив! Поразительно: я жив и могу сколько хочу вдыхать этот жаркий воздух, глядеть вдаль, ходить, бегать, чувствовать на коже легкий, дующий с юга ветер. Вот сейчас за нами прилетят, и мы полетим на базу. Сомнительно, что после подобного падения от нас потребуют продолжение выполнения задачи. Тем более что и задача так себе — облет, обход освобожденной территории. Работа для дураков, как сказал, отправляя нас на задачу, наш ротный — майор Белов. А и плевать! Пойти, что ли, в тенек завалиться и поспать?

Я так и сделал. Но только-только начал придремывать, как «запищала» радиостанция.

— Командир, — донесся до меня голос выставленного на правый фланг наблюдателя, — машины какие-то...

Сказал и замолчал. Ну, рожай, что ли?

— Игиловцы!

Вот, теперь орет как резаный, можно и потише. И вообще, что за бред? Мы этих игиловцев (Исламское государство Ирака и Леванта) отсюда два месяца назад вышибли. За семьдесят километров отшвырнули. Американцы с

ПРИВАЛ С ВЫДЕРНУТОЙ ЧЕКОЙ

этой стороны плотной линией торчат. А тут на машинах... Откуда? Бред!

— Уверен? — Я разлепил глаза.

— Командир! — Нет, Литовцева, старшего снайпера нашей группы, паникером при всем желании не назовешь, надо вставать и пацанов поднимать.

— К бою! — не слишком громко скомандовал я, но меня услышали, и все пришло в движение.

— Разворачиваемся, фронт — дорога. — Отдав указание, я нашел удобное для наблюдения место, достал бинокль и начал высматривать разлюбезных наших, понимаешь ли, агрюш. Агрюшами мы через раз игиловских боевиков называли. С чьей-то легкой руки их вначале «игрюшами» величать стали, а потом довольно быстро на «агрюш» перефразировали — название прижилось, точнее, быстро приживалось, постепенно вытесняя ранее распространенное «игиловец». Я продолжал наблюдать. А вот и они катят, как на параде, ничё не боятся! Решили летчиков тепленькими взять! А группу спецназа на закуску не хотите, суки? Сейчас мы вам! Только много их, сволочей, — десять машин. А нас всего пятнадцать, если летчиков не считать. А что их считать? Летуны — они и в Африке летуны. Автоматы «АКС» старенькие,

по четыре магазина на брата — и все. Даже гранат нет! А на что им в вертолете граната — подорваться, что ли? А твари все ближе, безбашенные, даже разведдозор не выслали. Сейчас они об этом пожалеют! Смотрю в бинокль. Итак, что мы видим: пять грузовиков, пять джипов, на тех джипах крупнокалиберные пулеметы. Серьезно! Если, не дай бог, издалека засекут — тут нам и могилка.

— Парни, не высовываться! — Компактные радиостанции внутригрупповой связи у каждого, ни орать, ни бегать не приходится. Хорошие такие радиостанции! Американцы подогнали. Союзнички, блин! Как в атаку идти — их нет, а как на освобожденную территорию оккупационные войска ввести — это всегда пожалуйста! Хотя и то хлеб — мы на передке воюем, они периметр держат. Хотя и там, говорят, иногда жарко бывает. Людей американцы и впрямь жалеют, а вот технически неплохо помогают. Да и разведка у них хорошо поставлена. Сколько здесь наземная операция идет? Четыре месяца, двадцать два дня и сколько-то часов. Я со своей группой с первого дня здесь. Уже замена скоро.

— Командир! — вновь донесся голос Литовцева. Это он мне про один из грузовичков намекнуть хочет — остановился тот в по-